

Савицкая Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный
социально-педагогический университет, г. Самара
Savitskaya Ekaterina Vladimirovna,
Samara State University of Social Sciences and Education

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ КУМУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА
WAYS OF PERFORMING THE CUMULATIVE FUNCTION
OF LANGUAGE

Аннотация. В статье уточняется понятие кумулятивной функции языка, характеризуются виды языковых единиц, выполняющих кумулятивную функцию, описываются средства и способы ее выполнения. Выдвигается мнение, что знания о мире хранятся не в языке как таковом, а в культуре; язык лишь структурирует их и способствует их передаче. Анализ проведен на английском и русском материале.

Abstract. The article focuses upon specifying the cumulative function of language, characterizing language units that perform the function, defining the means and methods of doing this. The author proves that knowledge of the world is stored in culture rather than in language itself; language just structures it and helps to pass it on to next generations. The research is based on the English and Russian language material.

Ключевые слова: кумулятивная функция языка, знания о мире, внеязыковая действительность, категоризация мира, семантическая сетка

Keywords: the cumulative function of language, knowledge of the world, extralinguistic reality, world categorization, semantic network

Под кумулятивной функцией языка (< лат. *cumulatio* “накопление”) обычно понимается «фиксация и сохранение в языковых единицах информации

о постигнутой человеком действительности» [1, с. 23]. При этом, как правило, подчеркивается, что «язык в этой функции выступает связующим звеном между поколениями, служит хранилищем, средством передачи ... коллективного опыта» [5, с. 108]. При обсуждении этого вопроса нередко возникают недоразумения. Следует уточнить, какими способами результаты постижения действительности сохраняются в культуре и передаются в поколениях при помощи языка.

Кумулятивная функция языка определяется как «накопление и сохранение информации в словарном составе языка и в текстах» [2, с. 25]. Однако нужно учитывать, что тексты – это произведения речи, а не единицы языка; поэтому, на наш взгляд, накопление и сохранение информации в текстах есть кумулятивная функция речи, а не языка. Что касается языка, отметим, что в лингвистических трудах упоминание кумулятивной функции порой носит декларативный характер, без указания на то, как выполняется эта функция. Рассмотрим средства и способы ее выполнения.

Во-первых, она прямо реализуется **в пословицах**. В них зафиксирован жизненный опыт народа, передаваемый из поколения в поколение. Например, в английской пословице *Noist sail while the wind is fair* (букв. “Ставь парус, пока ветер попутный”, ср. рус. Куй железо, пока горячо) содержится житейский совет спешить пользоваться сложившимися благоприятными обстоятельствами, пока они не исчезли. Совет выражен с помощью этноспецифичной образной основы: англичане – нация мореходов. Такие рекомендации входят в копилку народного опыта и служат носителям лингвокультуры «путеводной нитью» по жизни.

Во-вторых, ценностное отношение к жизненным явлениям, навязываемое социумом и усваиваемое индивидом в онтогенезе речи, опосредованно выражено **во фразеологизмах**. Так, проанализировав ситуацию, содержащуюся в семантике английского фразеологизма *set the cat to watch the goldfish bowl* (букв. “поставить кота стеречь аквариум”, ср. рус. поставить волка пастухом, свинью огородником), и спрогнозировав ее вероятный исход, реципиент

самостоятельно делает вывод о том, что доверять ценность ее потенциальному потребителю – это опрометчивый поступок, поэтому так поступать не следует. Этот фразеологизм тоже хранит и транслирует народную мудрость, хотя рекомендация в нем не выражена прямо; ее нужно извлекать путем инференции (логического вывода).

В-третьих, семантические единицы, выработанные языковым коллективом в ходе развития этнокультуры и в лингвострановедении названные лексическими понятиями («под лексическим понятием ... имеются в виду бытовые, обиходные понятия» [1, с. 37]), закреплены **в значениях слов** и обычно усваиваются новыми поколениями носителей языка в онтогенезе речи вместе с оценками денотатов. Например, носители английского языка с младых ногтей усваивают слова *jealous* “ревнивый” и *jealousy* “ревность” в единстве денотативно-сигнификативного и коннотативного аспектов их значений, осмысливают обозначаемое этими словами культурно-психологическое явление и в дальнейшем относятся к этому явлению так, как предписывает – нет, не английский язык, а английская культура через английский язык – в отличие от представителей тех народов, в культурах которых отсутствует ревность, а в языках – ее словесное обозначение. Согласно К. Хорни, человек, будучи продуктом социокультуры, в онтогенезе усваивает то ценностное отношение к явлениям бытия, какое предписывается ему обществом; в частности, он испытывает ревность лишь в том случае, если в его социокультуре существует ревность [4, с. 181-186]. Личность «запрограммирована» обществом и культурой, в том числе в эмоциональных проявлениях; в роли средства программирования – кода – выступает этноязык.

В-четвертых, сущность денотата может отражаться **во внутренней форме** языковых единиц, и понимание этой сущности тоже передается следующим поколениям. Например, во внутренней форме английского слова *self-consciousness* “застенчивость” (букв. “осознавание себя”) отражено коллективное житейско-психологическое представление о застенчивости как о результате излишней саморефлексии, а во внутренней форме русского слова

застенчивость (рус. устар. *застенок* “задняя комната”) акцентирован иной аспект упомянутого личностного свойства – социофобия, т.е. боязнь коллектива. Налицо национальная специфика моделирования этого фрагмента действительности средствами внутренней формы языковых единиц.

В ряде случаев внутренняя форма выполняет кумулятивную функцию не на лексическом, а на гиперлексическом уровне, т.е. на уровне целых **семантических полей**. Так, поле “Суточный цикл” в английском языке служит комплексной внутренней формой тематической области “Жизненный цикл”:

morn of life (утро жизни)	“младенчество”
dawn of life (рассвет жизни)	“детство”
pre-noon of life (предполуденное время)	“молодость”
high noon (разгар полдня)	“расцвет / пик чьей-либо жизни”
midday of life (полдень жизни)	“середина жизни”
afternoon of life (после полудня жизни)	“годы зрелости”
dusk of life (сумерки жизни)	“пожилые годы”
evening of life (вечер жизни)	“старость”
the eve of eternal night (канун вечной ночи)	“накануне смерти”

В-пятых, связь понятий можно проследить **в семантических структурах** (комплексах лексических значений) слов. Например, по словарю [7], английский глагол *to challenge* имеет ряд значений: “соревноваться”, “оспаривать”, “бросать вызов”, “подвергать анализу / критике”, “сомневаться”, “вызывать”, “требовать”, “кликать”, “спрашивать пропуск / пароль”, “отрицать”, “давать отвод (составу присяжных)”. Носители английского языка усматривают настолько тесную связь между вышеперечисленными лексическими понятиями, что объединили их «под крышей» одной лексемы, в то время как, например, носителям русского языка не приходит в голову проводить смысловые параллели между понятиями “кликать” и “сомневаться”, “вызывать” и “отрицать” и др. В русском языке эти понятия передаются разными лексемами, которые даже не входят в одно и то же поле.

Налицо различие в структурировании и категоризации мира у разных народов, фиксированное в их языках, передаваемое следующим поколениям и усваиваемое

в онтогенезе речи. В результате народы видят мир по-разному. Таким образом, переключки понятий в семантике слов, наличие сети связей между ними – это еще один способ хранить знания о мире в языке.

В-шестых, ментальная модель денотата имплицитно содержится в **спектре сочетаемости** его наименования. Историческая преемственность и структурный параллелизм предметно-практической и ментальной деятельности обусловили тот факт, что человеческое сознание нередко устанавливает сущность отвлеченного понятия через гомоморфный ему материально-предметный образ. Сколь бы ни различались по онтологической природе отвлеченные понятия и материальные предметы, они бывают гомоморфными, и этим пользуется познающее сознание. «Даже устремляясь к абстракции, люди не способны примириться с утратой наглядности; ... занимаясь крайне отвлеченными построениями, они ... ищут опору в чем-то вещественном» [3, с. 142]. В качестве иллюстрации данного положения рассмотрим устойчивые сочетания с английским словом hope “надежда”: give hope “подать надежду”, get hope “обрести надежду”, cherish / nurture hope “лелеять / питать надежду”, lose hope “потерять / утратить надежду”, leave / abandon / give up / defer hope “оставить / отринуть надежду”, retrieve hope “вновь обрести надежду”, be full of hope “быть преисполненным надежды”, hold on / cling to the hope “цепляться / ухватиться за надежду”, gleam / ray of hope “проблеск / луч надежды”, be faithful to one’s hope “хранить верность надежде”, betray hope “предать надежду”, blight / dash hope “разбить / разрушить надежду”, true hope “истинная надежда”, false hope “ложная надежда”, sweet hope “сладкая надежда”, forlorn / deserted hope “оставленная надежда”, bright / white hope “яркая / светлая надежда”, faint / strong hope “слабая / крепкая надежда”, feeble / firm hope “хрупкая / твердая надежда”, small / great hope “малая / большая надежда”.

Как видим, в спектре сочетаемости слова hope надежда представлена как нечто светлое, яркое, лучезарное; нечто ценное; нечто такое, что можно дать, обрести, хранить, удерживать, лелеять и возвращать; можно потерять, намеренно отринуть, вновь обрести, разрушить, восстановить; то, что может изменяться по размеру, силе и крепости; может быть настоящим или же фальшивым. Из этих словосочетаний складывается образ **сокровища**. Тем самым подчеркнута высокая экзистенциальная ценность надежды и ее сугубо позитивная оценка в английской лингвокультуре. Таким образом, модель сочетаемости слова содержит в себе модель отражения денотата в коллективном языковом сознании. В отличие от эксплицитной внутренней формы слова, выраженной с помощью морфемного состава и словообразовательной структуры лексической единицы, внутренняя форма, выявляемая из спектра сочетаемости слова, является имплицитной.

В-седьмых, в каждом этническом языке заложена «сетка», набрасываемая на мир семантической системой; это членение мира усваивается в онтогенезе речи каждым следующим поколением носителей данного языка. Для примера сравним английскую и русскую терминологию возрастной периодизации от 0 до 25 лет:

Англ.: (I) babyhood (0 – 2 months), (II) infancy (3 – 12 months), (III) toddlerhood (2 – 3 years), (IV) preschool age (4 – 5 years), (V) early school age (6 – 12 years), (VI) teen age (13 – 19 years), (VII) youth (20 – 25 years).

Рус.: (I) младенчество (0–1 год), (II) раннее детство (2 – 4 года), (III) дошкольный возраст (5 – 6 лет), (IV) младший школьный возраст (7 – 11 лет), (V) подростковый возраст (12 – 15 лет), (VI) юность (16 – 20 лет), (VII) молодость (21 – 25 лет).

Английские и русские ячейки «сетки», содержащие названия возрастных периодов, не совпадают по границам. По Д. Чандлеру, «языковые категории – не просто результат некоего заранее установленного строения мира. Они не являются “естественными” понятиями, которые лишь “отображаются” в языке ... Каждый язык членит мир на произвольные категории» [6, p. 27] (перевод наш – *Е.С.*).

Всё сказанное выше подводит к выводу о том, что кумулятивная функция выполняется не языком как таковым, а лингвокультурой; в рамках культуры коллективный опыт кумулируется и затем транслируется новым поколениям языковыми средствами.

Список литературы:

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. 509 с.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
3. Лем С. Вступительная лекция ГОЛЕМа. О человеке трояко // С. Лем. Мнимая величина. ГОЛЕМ XIV. М.: АСТ, Астрель, 2010. С. 142-191.
4. Хорни К. Культура и невроз // К. Хорни. Невротическая личность нашего времени. Niköping, Sweden: Philosophical arkiv, 2016. Pp. 181-186.
5. Чистюхин И.Н. Теория драмы. Орел: изд-во Орловского гос. ун-та искусств и культуры, 2014. 130 с.
6. Chandler D. Semiotics: the Basics. Routledge Academic Publ., 2017. 332 pp.
7. Translator Online [Electronic Resource]. URL: <http://www.rdfu.ru/?menu=TranslatorOnline> (дата обращения: 21.04.2023).

